

можно было найти в первой половине XV в. по городам и монастырям Руси.

В свод Фотия, помимо областных летописей, уже имевшихся к тому времени в Москве, были привлечены также и памятники внелетописного происхождения: повести, сказания, жития, грамоты, послания, юридические акты, Русская Правда, церковно-законодательные памятники и т. д. Для Владимирского Полихрона Фотия был составлен перечень иерархов русской церкви (см. список иерархов в Новгородской четвертой, оканчивавшийся Фотием, и Комиссионный список Новгородской первой, окончившийся Герасимом; в осложненном виде перешел в Симеоновскую и Никонскую). Для Владимирского же Полихрона был составлен список русских городов дальних и ближних (сохранился в Новгородской четвертой и при Комиссионном списке Новгородской первой; перешел в Воскресенскую и Никоновскую). Здесь же во Владимирском Полихроне читался перечень епископий и родословия московских великих князей. „Быть может, Полихрон не ограничивался родословием одних московских великих князей, — писал А. А. Шахматов, — а давал также сведения о других русских князьях: Смоленских (ср. краткий перечень их в Воскресенской летописи, VII, 239), Рязанских (ср. там же, VII, 241), Тверских (там же, VII, 245), Литовских (там же, VII, 253), Суздальских (ср. краткий перечень их в Комиссионном списке Новгородской первой, 437) и др.“¹

Весь этот материал знаменовал собою отказ от узко-московской точки зрения на события русской истории, доминировавшей в предшествующих московских летописных сводах.

Все обидные для самолюбия суздальцев, тверичей, новгородцев и других места были во Владимирском Полихроне тщательно уничтожены. Из состава московской летописи „опускается, с одной стороны, не мало известий семейного характера княжеского московского дома, а, с другой стороны, все те случаи московского толкования хода борьбы Москвы с соперничающими с нею центрами, что так охотно и упорно сохранял сводчик 1408 г. (свода Киприана. — Д. Л.). Для примера достаточно будет сослаться на запись в своде 1418 г. (под 1355 г.) о смерти суздальского князя Константина Васильевича, где выразительно добавлено против свода 1408 г.: «честно боронив свою отчину от сильнее себя князей», под которыми разумелись, конечно, московские Даниловичи; равно как и на запись о вступлении на владимирское великое княжение Дмитрия Константиновича суздальского (под 6868 г.): «Ходир царь дал великое княжение Дмитрею суждальскому, а князем русским комуждо отчину свою», т. е. здесь опущены ядовитые слова свода 1408 г.: «а не по отчине, а не по дедине»“.² Бесстрастно изображается во Владимирском Полихроне и московско-тверская борьба за великое княжение в начале XIV в. Не ограничиваясь этим удалением следов московского пристрастия

¹ А. А. Шахматов. Общерусские летописные своды XIV—XV вв. ЖМНП, 1901, кн. XI, стр. 62.

² М. Д. Приселков. История русского летописания XI—XV вв. Л., 1940, стр. 146.